ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ HISTORY OF JOURNALISM

УДК 070.19

DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(2).320-337

Савельзон Игорь Вильямович

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра литературы, журналистики и методики преподавания литературы, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: merkaztarbut@mail.ru

Igor W. Savelzon

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Literature, Journalism and Literature Teaching Methods, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: merkaztarbut@mail.ru

Филадельфия, Грузино, Оренбург: к вопросу о периодизации журнальной деятельности П. Свинына

Аннотация. Система принципов и приемов публицистического творчества П.П. Свинына оформилась под воздействием обстоятельств его биографии. Еще находясь на дипломатической службе в Америке и Европе (1806–1814 гг.), он понял перспективы миссии посредника в межкультурном диалоге между ними и Россией, вступил на стезю культурно-просветительской журналистики. Вернувшись в Россию и вскоре исчерпав для себя возможности межкультурного диалога между Россией и Западом, Свинын обращает его в не менее продуктивный, но более оригинально найденный внутрикультурный диалог — между Россией и русским читателем. Регионы, события, люди России наполнили собою страницы журнала «Отечественные записки» на целое десятилетие. Неоднократные попытки отыскать, по обычаю того времени, для себя и журнала влиятельного покровителя окончились неудачей, и Свинын обращается к поддержке и защите «коллективного покровителя», усмотрев его в национально-державном сознании окол властных слоев общества. Соответственно цели П. Свинын выбирает и средства — настолько точно и верно, что жанровый, тематический и стилиевой облик «Отечественных записок» с 1820 по 1830 гг. остается практически неизменным. Путевой очерк, травелог, доведенный до мастерского уровня, становится верным оружием Свинына в борьбе за популярность журнала. Гораздо худшую услугу оказывает ему склонность к ярким, но недостоверным деталям, вводимым в текст в результате ошибки или сознательного обмана читателя. Преимущественное внимание в настоящей статье уделяется трем его очеркам, репрезентативным для трех периодов журнальной деятельности Свинына: «Наблюдения Русскаго в Америке» (1812) — зарубежный период, «Поездка в Грузино» (1818) — поиски жанровой ниши в российской журналистике и «Картина Оренбурга и его окрестностей» (оп. 1828) — период зрелости. Анализ их жанрово-стилевой природы показывает сущностное единство публицистического стиля Свинына во всех трех периодах.

Ключевые слова. «Отечественные записки», П. Свинин, межкультурный диалог, травелог, история Оренбурга, история русской журналистики.

Информация о статье. Дата поступления 20 апреля 2021 г.; дата принятия к печати 29 апреля 2021 г.; дата онлайн-размещения 7 июня 2021 г.

Philadelphia, Gruzino, Orenburg: on the Issue of Periodization of the Journal Activity of P. Svinyin

Abstract. The system of principles and techniques of publicistic creativity of P.P. Svinin was influenced by his life events. While still in the diplomatic service in America and Europe (1806–1814), he understood the prospects of the mission of a mediator in intercultural dialogue between them and Russia, and launched a career of cultural and educational journalist. Upon his to Russia he actively participated in intercultural dialogue between Russia and the West. Later Svinin engaged in equally productive but more originally found intracultural dialogue — between Russia and the Russian reader. Regions, events, people of Russia filled the pages of the journal *Otechestvennye zapiski* for a whole decade. Repeated attempts to find, according to local traditions an influential patron for himself and the magazine failed, and Svinin turned to the support and protection of the "collective patron", perceiving it as a part the national-sovereign consciousness of the government supervised layers of society.

P. Svinin chose the techniques so precisely that the genre, themes and style of *Otechestvennye zapiski* between 1820 and 1830 remained intact. The travel essay, the travelogue, developed to perfection was widely used to increase magazine's popularity. Although vivid but inaccurate details used into the text as a result of an error or deliberate deception of the reader did a disservice to the magazine.

The research focuses primarily on three of his essays, characteristic of three periods of Svinin's journalism: *Observations of a Russian in America* (1812) — a foreign period, *A Trip to Gruzino* (1818) — a search for a genre niche in Russian journalism and *"Painting of Orenburg and its environs"* (op. 1828) — a period of maturity. An analysis of their style revealed the essential unity of Svinin's journalistic style in all three periods.

Keywords. Journalism, Russian magazines of the XIX century, "Otechestvennye zapiski", P. Svinyin, intercultural dialogue, travelogue, history of Orenburg, history of Russian journalism.

Article info. Received April 20, 2021; accepted April 29, 2021; available online June 7, 2021.

Введение

Личность Павла Петровича Свинина в современном восприятии «неоднозначна, как и любая другая, воплотившая один из типов своей противоречивой эпохи» [1, с. 372].

Он заслужил определения «сореволюватель отечественной славы» [2, с. VI], «фигура трагикомическая» [3, с. 21], «отечественный мечтатель» [1, с. 361], «затравленный благотворитель» [4]; его репута-

ция среди современников и была «двусмысленной»¹, «не очень хороша» [5, с. 345], и ныне оценивается как «довольно необычная» [4], «негативная» [6, с. 522], «незавидная» [7, с. 84], «печальная известность» [8, с. 509] — список этот мог бы быть продолжен, однако не привел бы к цельной и однозначной характеристике. Считая эту неокончателюность возможных оценок свидетельством сложности описываемого явления, мы не станем пытаться разрешить «загадку Свинына» и, не упуская ее из виду, обратимся к инвариантным и наглядным плодам его трудов.

Творческое наследие П. Свинына пока не стало предметом многочисленных научных исследований; среди наиболее важных и результативных назовем работы А.Г. Готовцевой и О.И. Киянской [3], В.А. Мильчиной [5], И.Р. Яфаровой [9], И.В. Сапожникова [10], О.Г. Лазареску [11], О.Н. Левшиной [12].

В настоящей работе мы примем попытку описания некоторых идеологических, стилевых и организационно-деловых принципов журнальной деятельности П. Свинына, начиная с первых его публикаций, а впоследствии — как издателя, редактора и автора журнала «Отечественные записки» (далее — «ОЗ») с 1818 по 1830 гг. В центре нашего внимания окажутся первые его очерки «Наблюдения Русскаго в Америке» [13], один из первых очерков, опубликованных по возвращении в Россию — «Поездка в Грузино» [14; 15], очерк «Картина Оренбурга и его окрестностей» [16],

вышедший за два года до закрытия «ОЗ», и некоторые другие тексты, включая написанные им книги, за исключением беллетристики, а также графическое сопровождение его травелогов. Выделяемые нами в настоящей статье основные принципы жанрового и стилового свойства, присущие текстам журналиста и издателя «ОЗ», были сформированы уже в начальном периоде его журнальной деятельности; с перероентацией в сторону культурно-просветительской журналистики и выбором национально-патриотического направления изменения выразились в конкретизации тематического отбора и усилении верноподданнического пафоса.

Очерк «Наблюдения Русскаго в Америке» (1812)

Писать для журналов П. Свинын начал еще в Московском Университетском благородном пансионе, с 15 лет публикуя в сборнике «Утренняя заря»² стихи, басни и перевод с французского эссе «Сократ перед смертью». После выпуска из пансиона Свинын энергично движется по карьерной лестнице, за шесть лет дослужившись от актуариуса³ Коллегии иностранных дел до секретаря российского Генерального консула в Филадельфии (1811–1813 гг.). Здесь, в Америке, начинается литературно-публицистическая и издательская деятельность Свинына — литератора, публициста и издателя.

² Утренняя заря. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона : сб. М., 1800–1808.

³ Низший канцелярский служащий (XIV чин Табели о рангах), канцелярский служащий в государственных учреждениях, на Руси традиционно называемый подьячим.

¹ Свинын Павел Петрович // Грибоедов : энциклопедия. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=7252>.

В июльской книжке журнала «Вестник Европы» за 1812 г. появился свиный путевой очерк «Наблюдения Русского в Америке. (Письмо к А.Ф. Лабзину)» [13], присланный им из Филадельфии в Россию.

Прежде всего отметим тщательный выбор адресата для послания. А.Ф. Лабзин, не столь задолго до того служивший в Коллегии иностранных дел, в 1812 г. занимал пост конференц-секретаря Императорской Академии Художеств, а также являлся членом Адмиралтейского департамента.

П. Свиный Императорскую Академию художеств окончил в 1806 г., в 1810-м получил звание «назначенного», а в 1811-м был удостоен звания академика [17; 18], — вероятнее всего, по Академии они и были знакомы.

Свиный, словно успешный ученик, отчитывается руководителю о признании его дарования в Филадельфийской академии художеств: «Я подарил ей два рисунка работы моей, сделанные мною с возможным тщанием, (один из них представляет Козака, а другой Черкеса) и получил от Президента и Директоров оной официальное благодарственное письмо» [13, с. 105].

Завершаются эти два вступительных абзаца сведением всех «линий успеха» в одну точку: Свиный сообщает о том, что пообещал «доставлять в один из лучших Американских журналов ежемесячно по картине с описанием; и буду давать туда то вид Петербурга, то какой-нибудь национальный костюм наш. Слух, что я буду сообщать таковые новости в журнал сей, такое возбуждал любопытство, и намерение мое столь понравилось здешней публике, что нынешний месяц более

100 подписчиков прибавилось на оный» [13, с. 105]. Вывод не вербализуется, но подразумевается: интерес американцев к России, мастерство русского художника и личный патриотизм П. Свиного за океаном увенчались триумфом... Однако тот стал бы еще убедительнее, если бы Свиный привел в письме название журнала, без чего остается повод сомневаться — и в самом триумфе, и, главное, в правдивости пишущего.

Двойной текст, составленный из письма к А. Лабзину и приложенного очерка, имел целью стать не только первым явлением нового автора на журнальном поприще, но и, в некотором роде, орудием для использования высокопоставленного адресата.

Лабзину, уже как члену Государственного адмиралтейского департамента в составе Министерства морских сил, вероятно, предназначались в очерке сведения о паровых судах, заменяющих в Америке парусный флот. Свиный вскоре примет немалые усилия для продвижения стимботов на российский рынок, видя и себя в этом проекте — ни много ни мало, как личным представителем интересов Дж. Фултона, которому он также предлагал свои услуги, — и не его вина в том, что проект не осуществился⁴ [19; 20].

Наконец, посредством столь точно выбранного адресата Свиный пытался привлечь к себе и высочайшее внимание, прилагая к письму гравированный с его рисунка портрет Александра I, а также «имея счастье повергнуть к стопам ЕГО ВЕЛИЧЕ-

⁴ Подробно о стимботах и их необходимости для России Свиный напишет в одноименном тексте, «Наблюдения Русаго в Америке», двумя годами позднее и в другом журнале.

СТВА вид *Mont Vernon*, мною написанный». Гравюра с портрета Александра I была помещена на фронтиспис книги «*Sketches of Moscow and St.-Petersbourg*» [«Очерки Москвы и Санкт-Петербурга»] [21; 22]; также в эти книги вошли и названные выше рисунки (надо признать, удивительно слабые и наивные) «Черкес» и «Казак, убивающий тигра в Сибири в 1810 году». Однако все употребленные Свиным средства не позволили ему посредством письма и очерка устроить из Америки судьбу русско-американского проекта строительства стимботов в России и, тем более, занять в нем видное место. Путевой очерк об Америке остался всего лишь самым собой, то есть интересно и гладко написанным журнальным текстом, но разнообразие и выразительность слога Свинына вкупе с любознательностью и деловитостью лягут в основу всей его последующей журнальной деятельности.

Очерк «Поездка в Грузино» (1818)

По возвращении в Россию Свиный терпит неудачу на дипломатическом поприще (поездка 1815 г. в Молдавию, Бессарабию и Валахию) и продолжает двигаться по пути литературно-общественной деятельности, вновь пытаясь найти влиятельного покровителя, для чего готов не погнушаться любыми средствами. А.Ф. Лабзин его надежд не оправдал, и Свиный пересматривает свой выбор в пользу всесильного графа А.А. Аракчеева, — главного противника Лабзина и его патрона, министра просвещения князя А.Н. Голицына. В 1818 г. он совершает поездку в имение Аракчеева и публикует в «Сыне отечества» бесстыдно-сер-

вильный очерк «Поездка в Грузино» [14; 15] (далее — *Поездка...*).

«Поездка в Грузино» стала сложным жанровым единством, в котором описание посещенной местности было лишь внешней оболочкой жанрового стержня — портретного очерка могущественного вельможи, и тем более примечательным, что портрет писался заочно. Личной встречи с Аракчеевым Свиный удостоен не был, и портрет вождя патрона пришлось писать особого жанрового свойства: отраженным. Он не столько создавался, сколько воссоздавался из описания даже незначительных деталей жизни аракчеевского поместья. Имение и его устройство, а через них и сам владетель, «были описаны с восторженностью, которая приобретает только полной потерей человеческого достоинства»⁵:

«Главная цель моя познакомить просвещенный мир с житьем истинного Русаго Дворянина, с управлением помещика, коим должны гордиться соотечественники, уважать и пленяться иностранцы» [14, с. 4].

П.А. Вяземский откликнулся на «Поездку...» знаменитой эпиграммой «Что пользы, — говорит расчетливый Свиный...» и презрительным каламбуром: «Свиный полоскается в грязи» [8, с. 130].

Раболепие Свинына высмеял даже Ф. Булгарин, который также побывал в Грузине, назвал свой очерк не без намека «Поездка в Грузино в 1824 году», и всесильному вельможе льстил, сравнительно с Свиным, не меньше, но тоньше. Глав-

⁵ Нельзя не вспомнить здесь эту формулу, созданную И.Ильфом и Е.Петровым для другого, но схожего случая (см. фельетон «Россия-Го»).

ный удар по лъстецу-конкуренту был нанесен включенной в очерк репликой Аракчеева:

«"Скажи правду, ты, верно, намерен описать Грузино? – сказал мне граф. — Пожалуйста, не ври же так, как наврал кто-то, сделавший из Грузина какую-то святыню, сущий рай – а Грузино село-селом, важное только тем, что принадлежит мне по царской милости, украшено царскими щедротами и тем еще, что добрые люди меня здесь навещают"» [23].

Очерк «Картина Оренбурга и его окрестностей» (оп. 1828)

Путевой очерк, травелог, стал главным, магистральным жанром в свиных «ОЗ». В 12-ти книжках за 1828 г. мы насчитали 16 текстов о поездках, наиболее близкую из которых автор описал в очерке «О проведении проточной воды и об исследованиях к проложению канала из Невы до Царского Села», а самые дальние – в «Русских Святках в Еривани 1827 года» и в «Картина Оренбурга и его окрестностей (Из живописного путешествия по России Издателя От. Зап. в 1824 г.)».

Плодами оренбургской поездки Свинына станут напечатанные в «ОЗ» очерки «Посещение Илецкой Защиты» и «Картина Оренбурга и его окрестностей», рассказы местных литераторов П.М. Кудряшева и А.П. Крюкова, портретный очерк «Пётр Михайлович Кудряшёв, певец картинной Башкирии, быстрого Урала и беспредельных степей Киргис-Кайсацких», мемуарно-исторические записи «Оборона крепости Яика от партии мятежников».

Очерк «Картина...» [16] лишен жесткого композиционного каркаса, что объясняется его функциональ-

ной задачей – дать живой портрет интересного и почти не известного широкой публике российского региона. Начавшись с непосредственного обращения к читателю, текст направляется по традиционному руслу географического и историко-летописного экскурса: трехкратное основание крепости Оренбург в поисках лучшего места, просьба хана Абулхаира о приеме его в российское подданство, необходимость «провести по Уралу вооруженную пограничную черту, которая бы совершенно разделила Башкирию с Киргиз-Кайсацкою степью, и в середине черты сей поставить крепость, долженствующую быть главным пунктом торговых и политических сношений с народами Средней Азии и охранительницею спокойствия всей окрестной страны» [16, с. 8].

Уделив внимание планировке города и его архитектуре, местам отдыха и гуляния горожан, Свинын сообщает читателю о его экономике и сельском хозяйстве края, о военном контингенте, рассматривает этнический и конфессиональный состав населения.

Очерк стал типовым, традиционным для П. Свинына травелогом. Помимо перечня объектов описания, традиционно для его путевых очерков присутствуют и умело применяются, чередуясь, сами нарративные манеры: задушевное, личностно окрашенное обращение к читателю; историческое повествование, близкое к летописному; статистические сведения и констатирующие описания; этнографическое описание, в традиции «хожений» отмечающее экзотические приметы местной жизни; слащаво-салонные мифологические аллегории; верно-

подданический пафос; имперский, национально-государственный пафос.

Заканчивается очерк частым у Свинына-очеркиста предложением о возможном развитии посещенного края, проистекающим из его уникального геополитического расположения: «Если составится *торговая компания*, то выгоды, имеющие проистечь от оной, немало будут содействовать к процветанию сей страны и в особенности Оренбурга» [16, с. 36].

Основные черты публицистического стиля П. Свинына

Жанрово-стилевые черты

«Наиболее ярко авторская индивидуальность проявляется в художественных текстах, однако в меньшей степени она может выражаться в жанрах публицистики, близких к художественному типу изложения» [24, с. 44]. Это утверждение Н.В. Саютиной мы уверенно можем применить и к журналистике XIX в., в частности, к стиливой манере П. Свинына.

Травелогам П. Свинына присущи пластичность, гладкость и живость слога, гибкость и мобильность композиции, легкость переходов между композиционными блоками, иконически отражающая само фактическое положение путешественника, передвигающегося в познаваемом и описываемом пространстве. Его описания посещенных городов и регионов всегда разносторонни, многоаспектны, и если предвзяты, то лишь в самой общей своей основе, заложенной уже в первом выпуске «ОЗ», еще не мыслящихся ни как периодическое издание, ни даже как первая часть книжной серии: «Признаюсь, не умею быть равнодушным

при виде таковых предметов, не могу с модным нынешним хладнокровием взирать не на необыкновенное, тем более на людей необыкновенных и еще более — Русских» [25, с. 59].

Книги и очерки Свинына насыщены информацией — именами, фактами, числами, в силу чего производят впечатление серьезности и убедительности. Однако доверять его сведениям стоит далеко не всегда: «Считавший себя патриотом-эрудитом, много размышлявший на историко-географические и историко-этнографические темы, Свинын часто впадал в крайности, искажал реалии, оказывался сторонником «народной» этимологии. И это вызывало насмешки современников» [3, с. 22].

Тексты Свинына много проигрывают от полного отсутствия в них звучащей речи персонажей — монологов и диалогов; создается впечатление о том, что его мир — мир видимый, но не слышимый; что в его мире даром связной речи (и то не звучащей, а пишущейся) обладает лишь свинынский повествователь-травелоггер.

К сожалению, в стилистике Свинына полностью отсутствуют элементы хотя бы сглаженного комизма, столь приятно для читателя разнообразящие повествование в лучших русских травелогах, начиная с «Писем русского путешественника» (1791–1792) Н. Карамзина.

При этом порой «литературность», насыщенность поэтизмами его публицистической речи доходит до нестерпимой выспренности (ее функции в текстах Свинына будут рассмотрены ниже).

В жанровом отношении травелоги Свинына содержат в себе элементы будущих жанров репортажа, зарисовки, аналитической статьи.

*Образ повествователя —
межкультурного медиатора*

Российская печать приобретает культурно-просветительскую функцию уже вскоре после возникновения отечественной прессы, и Свиньин освоил эту нишу журналистики одним из первых: «в России, где первая газета была мероприятием исключительно государственным, казенным, уже через несколько десятилетий после ее запуска стали преобладать издания... просветительские» [26, с. 10].

Современный исследователь так определяет родство просветительской деятельности и журналистики как социального института: «в высшей степени актуальной оказывается в современный период интенсификация кросскультурной просветительской деятельности, к которой имеет непосредственное отношение журналистика. Она не просто способствует распространению культурных ценностей, выступая в качестве организатора массовых информационных потоков, но и обладает возможностями участвовать в диалоге культур как активная творческая сила» [27, с. 3].

Это определение вполне применимо и к случаю Свиньиного (качественно, если не количественно: в его времена вряд ли возможно было говорить об «информационных потоках»). Уже в самом начале своей публицистической деятельности Свиньин отыскал для нее магистральное направление, а для себя — нишу, образ, функцию и роль в литературно-журнальном мире: медиатора, посредника-просветителя, делающего возможным межкультурный (обюдонаправленно — между Россией и Америкой, Россией и Европой

[28–30]) и внутрикультурный диалог (между русским читателем и огромной Россией). Окончательный переход от первой модели ко второй был провозглашен в Предисловии к книге «Отечественные записки» 1818 г. (в следующем году продолжившейся книгой с таким же названием и указанием «Часть вторая», а через год — первыми книжками одноименного журнала): «Путешествие по чужим краям с некоторою наблюдательностью, сверх многих преимуществ, полезно для Рускаго всего более тем, что по самому легчайшему сравнению своего отечества с другими Государствами, во многом нравственном он должен будет отдать справедливость первому, и если пагубное иностранное воспитание, стремящееся в нас охладить любовь и уважение ко всему Рускому, и сделало его, по несчастью, пристрастным к чужеземному, то почтение, отдаваемое во всех краях света имени Рускаго; уважение, выгоды и ласки, оказываемые ему единственно за счастье быть Руским — невольным образом возгорают его, заставляют полюбить свое отечество и изучить, откуда происходит сие равнодушие, сие скромность соотечественников его к достоинству своему?» [31, с. I–II].

На глазах у читателя, выворачивая синеждоу наизнанку, Свиньин добивается небывалого эффекта: заявленный в начале образ собирательного «Рускаго» (звучащий по-державински, подобно гимну — «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс!»: так же торжественно, но и так же обобщенно) — перетекает в образ самого Павла Свиньиного, вернувшегося в Отечество: «Возвратясь в свою отчизну, Русский горит пламенем узреть памятники славы своего

отечества, познакомиться с соотчичами своими, и благословляет благодетельную руку Вельможи-Патриота, доставившего ему случай обозреть некоторую часть России, снявшую с его сердца камень, его тяготивший»⁶ [31, с. III–IV].

Важно видеть, что искусный автор этого Предисловия ухитряется обратить величественную фигуру «Рускаго» — «Росса» в свой собственный перифрастический псевдоним, уменьшая лишь масштаб фигуры, но не концентрацию пафоса. «Руский» — Свинын, отправляясь в путь с первых, еще по-римски пронумерованных страниц возникающего журнала, принимает на себя обязательство руководствоваться национальным сознанием (а в действительности — выговаривая себе право быть его глашатаем, если не лидером), и впоследствии в его текстах невозможно уверенно провести границу между истинной любовью автора к своей стране и ее людям — и точно найденной речевой маской (см.: [32]).

Позиция автора/путешественника/повествователя по отношению к читателю была определена П. Свиныным еще за границей: это — посредник в межкультурном или внутрикультурном диалоге, использующий зрение для получения впечатлений, а слово — для передачи их читателю. В бытийной своей основе этот образ мыслился как добровольный посланец читателя, постоянно доказывающий ему свою нужность и полезность.

⁶ Сноска к словам о «Вельможе-Патриоте» прямо называет очередного неудавшегося кандидата в покровители для Свинына — «покойного Фельдмаршала Князя Николая Ивановича Салтыкова».

Психологический портрет повествователя размыт, лишен индивидуальных черт, — набор его способностей и действий в тексте строго ограничен миссией, функцией, посланничеством. Схематичный и условный образ восторженного патриота-передвижника из очерков и книг П. Свинына (начиная с «Поездки в Грузино») несравним по степени глубины и индивидуализированности с образами повествователя ни карамзинских «Писем русского путешественника», написанных тридцатью годами раньше, ни гончаровского «Фрегата «Паллада»», созданного тридцатью годами позднее, ни стерновского «Сентиментального путешествия по Франции и Италии», ставшего текстом-источком множества травелогов: «Травелог, отталкиваясь от Гомера, восходит к «Сентиментальному путешествию» (1768) Лоренса Стерна. Это было совершенно новое явление в литературе и культуре. Если до него на первый план выступало описание страны, нравов и обычаев, архитектурных сооружений и т.д., то Стерн во главу угла поставил отношение человека к увиденному» [33, с. 125].

Возвышенность слога

Если присвоением себе имени «Рускаго» Свинын объявлял себя нравственным авторитетом в глазах читателя, то употребление превосходных степеней сравнения, восклицаний и восторженных оценок служило формой эмоционального воздействия на читателя, заставляя его признавать описываемое чем-то из ряда вон выходящим. Между тем возвышенный слог подчас вступал в контрастное соседство, иногда в

почти комическое противоречие и со стилистикой травелога, и с самим предметом описания, порою весьма прозаичным — коровой на лугу или бокалом со сливками.

«Луга покрыты многочисленными стадами, кои то небрежно отдыхают после роскошной трапезы, то смотрятся в тихия воды Волхова, или, стоя в молчании по одиначке, прислушиваются, кажется, к приятным звукам свирели их юнаго стража, или в неге и на воле резвятся между собой» [14, с. 19–20].

«Не упустите осмотреть теплицы, огороды и другие хозяйственные заведения: в них так чисто и порядочно, что даже при сравнении с Английскими — находишь некоторые преимущества, особливо на счет вкуса. Отдохнемте в молочне и прохладимся свежими густыми сливками. Нам подадут их в граненом хрустале, который еще придаст аппетиту. Стены молочни украшены портретами идеальных красот в очаровательных формах и положениях!» [15, с. 69].

«При въезде в город приятно видеть точную правильность кварталов и улиц; чистоту сих последних, которые по сухости грунта вместо мостовых усыпаны только песком; пленительную опрятность домов, большею частию деревянных, оштукатуренных; начало великолепного каменного тротуара на большой улице и ряды молодых деревьев, насажденных перед домами» [16, с. 14].

«Весьма ошибется тот, кто подумает, что Музы бегут от сего уединенного края, окруженного хищными, скитающимися ордами Монголов: — напротив, я нашел здесь счастливого питомца Аполлона: г. Крюков, горный чиновник, обучающий Марк-

шейдерскому искусству, в часы отдохновения беседует с Парнасскими девами, и прекрасный талант его в стихотворстве известен из многих обращиков, помещенных в Вестнике Европы» [34; 35, с. 151–152].

Переводя описание от военного госпиталя к образовательным учреждениям города, повествователь также обращается к образам древнегреческой мифологии, и столь же неуклюже:

«От Эскулапова храма позволим себе обратиться к благодетельным Музам. Не достойно ли замечания, что и в пустынном Оренбурге имеют они усердных своих жертвоприносителей?» [16, с. 25–26].

В описаниях же событий истинно значительных — приведем в пример повествование о крещении Руси — Свинын полностью снимает стилевые ограничения и воспаряет в травелоге до высот церковнославянского слога.

«Поэты, живописцы отечественные! посмотрите на сию картину, вспомните прошедшее, вообразите последствия — и да лиры и кисти ваши потщатся воспеть и изобразить сию счастливейшую для России и для человечества эпоху, беспримерную в летописях Истории» [36, с. 10–11].

В этот же ряд восторженных описаний у Свинына входят и национально-державные фрагменты текста. Впервые их появление в публицистике Свинына мы отмечаем в книге «Достопамятности Петербурга и его окрестностей» (1816) [37].

Иностранцы жалуются, что приезжая в Петербург, не имеют никакого руководства для узнавания его достопамятностей, а Руской не может видеть без сожаления, что столичный город его отечества, город об-

рашающий на себя внимание и уважение вселенной, столица Императора Александра, восстановителя царств, столица Российского народа, сильного и великого, притом город столь прекрасно выстроенный и великолепный, остается, так сказать, в забвении [31, с. 2].

Графическое сопровождение текста

П. Свиньин уделял должное внимание и собственно графическому облику публикации, ее типографскому воплощению. Эпиграфы он активно использовал в начале издательской деятельности, предпосылая их и книгам, и главам книг, и журнальным очеркам (это — тема отдельного исследования), но впоследствии главным в «ОЗ» стал эпиграф на титульном листе «Любить Отечество — велит природа, Бог; А знать его — вот честь, достоинство и долг», незначительно меняющийся в разные годы.

В своих изданиях П. Свиньин использовал выделения слов курсивом и прописными литерами, употреблял нечастые в тогдашнем журнальном деле капительный и минускульный цифровой шрифты.

Одним из первых в отечественной журналистике П. Свиньин стал иллюстрировать свои издания, причем рисунки для изготовления гравюр, украшающих фронтисписы частей «ОЗ», выполнял сам, обращая в свою пользу то обстоятельство, что: «В начале XIX столетия книжная иллюстрация еще не получила важного самостоятельного значения и воспринималась как вспомогательный элемент по отношению к тексту» [9].

Необходимое замечание состоит в том, что издатель журнала,

стремясь усиливать привлекательность травелога для читателей, доводил до гротескности как словесный рисунок текста, так и — буквально — его графическое сопровождение. В частности, романтизированная крутизна прибрежных скал на его рисунках американского периода, изобразивших реки Саскуэханну, Потомак, Мохок, Гудзон и особенно Ниагарский водопад, была перенесена в рисунки российских местностей. Явно преувеличена крутизна, например, днепровского берега на его рисунках «Аскольдова могила» и «Крещатик» в Киеве, и точно так же неправдоподобен почти отвесный обрыв над рекой Урал в гравюре из очерка «Картина...». Этот склон состоит из мягких пород, в основном песчаника [38, с. 193] и такой крутизной, как на рисунке Свиньиной, обладать не может по законам физики.

Для пущей экзотики Свиньин изобразил на этом же рисунке, по видимому, юрту кочевников, однако совершенно несхоже с архитектурным обликом казахской юрты, — здесь она не разделена на стенки и обширный купол [39, с. 27–36], а подобна некоему вертикально стоящему яйцу. К тому же из ее верхней части валит густой дым, что выглядит неправдоподобным, особенно в жарком оренбургском июле. Подобные вольности могли быть допущены автором только сознательно, с расчетом на то, что столичный читатель не сможет сопоставить рисунок с действительностью.

Ошибки, неточности и выдумки в тексте

Свиньинским травелогам вообще свойственны снисходитель-

ность к ошибкам и неточностям, склонность к преувеличениям и выдумкам, особенно в тех сведениях, которые читатель (а иногда — и сам автор) не мог проверить:

«...известный летописец Матфей Триковский⁷ свидетельствует в 4 книге, что Овидий навыв в ссылке у Сарматских народов — Славянскому языку и писал на нем охотно стихи» [40, с. 10].

Незамысловатость свиньинского обмана порою изумляет.

«Слух о чрезвычайной красоте решетки летнего сада был причиною, что один Англичанин, великой любитель художеств, приехал нарочно в Петербург, дабы увериться собственными глазами своими в справедливости онаго. Осмотрев решетку и признавшись, что не был обманут на счет ее достоинств, он немедленно возвратился в свое отечество» [37, с. 66].

«Мне случилось встречать даже в Америке иностранцев, принимающих для кредиту или для спекуляций имя Рускаго» [31, с. II].

В первом же абзаце оренбургского очерка Свиньин также упоминает два топонима, искажая их, но так уверенно, что никто из читателей и даже исследователей-краеведов в их достоверности пока не усомнился:

«Я приехал в Оренбург 18-го Июля из Илецкой защиты. Дорога столь гладка и лошади так исправны, что 70 верст я пролетел невступно в 5 часов. Оба форпоста, встречающиеся на сем расстоянии — *Елчанский* и *Декузский*⁸, выстроены из

камня и могут служить неприступными крепостями в случае нападения Киргизцев» [16, с. 3].

Однако названия этих пунктов легко восстанавливаются: по дороге из Илецкой Защиты (ныне — г. Соль-Илецк) Свиньин мог проехать только два форпоста: Елшанский (второе название — Мёртвые Соли, близ речки Елшанки) и Донгузский⁹. Возможно, названия их он записывал со слуха, едучи в трясущейся повозке, а впоследствии — до публикации очерка прошло четыре года — не смог разобрать и не обратился к современным ему картам и атласам, (в которых эти названия присутствовали). При этом простому названию «Елшанка» под пером Свиньина не повезло дважды: в привезенном из этой же поездки очерке «Посещение Илецкой Защиты в 1824 году» Свиньин его тоже отказит, уже другим образом:

«В нескольких стах саженьях от сей горы находится другая достопримечательность: это речка Малая Элшанка, протекающая по поверх-

⁹ «Постановление о новой солевозной дороге (тракте) было принято в 1811 году. Вероятно, в этом же году на том месте, где сейчас находится село Боевая Гора, около речки Елшанки был воздвигнут форпост Мёртвые Соли (Мертвосольский), получивший свое название по горе Мёртвые Соли (сейчас Боевая гора). На форпосте постоянно дежурила военная команда, охранявшая солевозную дорогу и возчиков соли от нападения киргиз-кайсаков» [41, с. 50]. И в том же издании: «На солевозной дороге Илецкая Защита — Оренбург на 26-й версте от Оренбурга вблизи реки Донгуз располагался Донгузский форпост, на котором находилась кордонная стража, охранявшая солевозную дорогу от нападения киргиз-кайсаков (см. очерк «Дорога от Оренбурга до Илецкой Защиты»). Возникновение форпоста относится приблизительно к концу 40-х или к началу 50-х годов XVIII столетия» [41, с. 93].

⁷ Нам не удалось отыскать никаких следов существования летописца с таким именем.

⁸ Здесь и далее в цитатах курсив П.Свиньина.

ности соляно-каменного слоя, но имеющая воду совершенно пресную и чистую» [34; 35].

Свиньин перепутал расположения предместий Оренбурга, назвав восточное западным и наоборот:

«К востоку и к западу от города, то есть вниз и вверх по течению Урала простираются два большие предместия, из коих восточное называется Голубиною слободкою, а западное (населенное казаками) Форштатом» [16, с. 6–7].

Статистические данные, приведенные им, выглядят ни на чем, кроме выдумки, не основанными.

«Домов считается: в городе 7 338, в Форштате 462 и в Голубиной слободке 254» [там же, с. 14].

На историческом плане Оренбурга 1828 г., выполненном землемером Кербедевым¹⁰, в экспликации приводятся совсем другие числа: в Голубиной слободке 374 дома, в Форштате 526, а «всего в Городе Оренбурге и предместьях оного домов казенных 56, обывательских 1 473».

Ничем не подкреплено его утверждение о том, что крепость Оренбург защищается «овальным укреплением, построенным по старинной Голландской методе» [там же, с. 6]. Невозможно не только проверить, но и точно понять смысл его заявления: «Молодые казаки, говорят, привязаны к службе и страстны в любовных делах» [там же, с. 35]. Странными и непродуктивными выглядят попытки упомянуть оренбургский климат в ряду с сибирским, швейцарским и африканским (?): «В Оренбурге климат умеренный и здоровый, и хотя иногда, при сильных ветрах, зимы бы-

вают бурны и холодны, а лета жарки и сухи, но его неможно сравнивать ни с сибирским, ни с африканским. Краснощекие Азияцы и здоровые казаки служат здесь явным доказательством благорастворенности воздуха и не без оснований некоторые утверждают, что в гористой Башкирии при употреблении известного кумыса и при тихой беззаботливой рассеянности можно находить то безлекарственное целение скрытых телесных недугов, которое европейцы обыкновенно ищут в живописной Швейцарии» [16, с. 22–23].

В подробном разборе текстов, созданных Свиньиным по итогам поездки в Бессарабию в 1815 г., современный историк утверждает: «Нет смысла множить примеры неточностей и фантазий, так как известно, что современники неоднократно высмеивали П.П. Свиньина за страсть к вымыслу и «умение» описывать те места, в которых он никогда не был» [10, с. 217–218]. Говоря о горе Маяк в окрестностях Оренбурга, Свиньин, очевидно, также передает от своего лица чужие рассказы о месте, в котором не побывал:

«В семи верстах от Оренбурга, на берегу излучистой Сакмары есть место, на котором некогда стоял загородный дом одного оренбургского губернатора, разоренный, как говорят, Пугачевым. И поныне еще видны следы фундамента, вокруг которых возвышается земляной вал, служивший забором и укреплением романтического жилищу» [16, с. 21–22].

На горе Маяк никогда не было резиденции ни одного из оренбургских губернаторов (Свиньин не называет его, — как и тот американский журнал, в который якобы пообещал в 1812 г. поставлять сведения о Рос-

¹⁰ Библиотека // Бердская слобода. URL: <https://berdskasloboda.ru/book/>.

сии, см. выше), следовательно, вольно придумано или узнано понаслышке и все остальное. Там же читаем:

«Гора сия называется Маяковскою, потому что на ней расположен был ретраншамент и маяк Пугачёва, имевшего свою резиденцию в близлежащем селе *Бёрды*, где показываю́т доселе избу, бывшую дворцом сего разбойника, которую, для величия сана своего, приказал он обить латунью внутри и снаружи» [16, с. 22].

Не бывал он, очевидно, и в Бердской слободе [42, с. 39–41]. Стены занятой избы казака К. Ситникова — знаменитой «золотой избы» — Пугачёв велел обить шумихой, или же сусальным золотом: так «в разговорном обиходе XVIII–XIX вв. называлось сусальное золото — тончайшая бумага (или пленка) золотистого цвета, изготовленная из двусернистого олова» [там же, с. 41]. Вспомним, что через девять лет после Свинына А.С. Пушкин, проведший в Оренбурге неполных двое суток, найдет время для поездки в Бердскую слободу, еще отыщет достоверных свидетелей и с их слов опишет в «Капитанской дочке» эту избу так:

«Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою» (гл. XI. Мятежная слобода).

Заключение

Павел Свинын входил в журналистику в период заграничной службы молодым, талантливым и достойным человеком. Однако по возвращении на родину нужда в сильном покровителе заставила его искать не прямых путей; даже бесчестный поступок не приносит

ему удачи, и тогда Свинын заменяет персонального покровителя коллективным. Он призывает в покровители всех приверженцев национально-патриотических и имперских идей, возложив на себя обязанность быть выразителем и, по возможности, властителем их дум и убеждений; манифестом будущей деятельности он сделал упомянутое выше ура-патриотическое Предисловие к первой книжке «ОЗ» [31]. Высокопарная и восторженная стиливая манера подачи материала была разработана им *ad hoc* в соответствии с принятым административно-политическим направлением, впоследствии она же перейдет и в его беллетристику¹¹ [11].

Неостановимая энергия приводила П. Свинына к действительно интересным событиям, людям и местам, выбор культурно-просветительского направления открывал широкое поле деятельности; среди его достоинств как журналиста были многоаспектное видение ситуации, умение добывать статистические данные и работать с источниками информации, а также гладкость слога, владение разными повествовательными манерами, легкость в композиционном построении материалов. Однако предпочтение слова эффектного слову достоверному, потеря репутации в беге за быстрым успехом не позволили ему обрести не только покровителя, но и союзников, а впоследствии лишили и читателей.

¹¹ О.Лазареску соотнесла элементы стилистики свинынских травелогов, начиная с текстов американского периода, — и его беллетристических опытов, в частности исторического романа «Ермак, или Покорение Сибири».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулакова И.П. Отечественный мечтатель / И.П. Кулакова // Отечественные записки. — 2002. — № 3. — С. 361–373.
2. Делаacroа И. Предисловие издателя / И. Делаacroа // Картины России и быт разноплеменных ее народов: из путешествий П.П. Свинына / П.П. Свинын. — Санкт-Петербург, 1839. — Ч. 1. — С. I–X.
3. Готовцева А.Г. Из истории русской журналистики 1820-х гг.: К.Ф. Рылеев, Ф.В. Булгарин и П.П. Свинын / А.Г. Готовцева, О.И. Киянская // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2011. — № 6 (68). — С. 11–36.
4. Митрофанов А. Павел Свинын: затравленный благотворитель / А. Митрофанов // Милосердие.ru. — 2019. — URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pavel-svinin-zatravlennyj-blagotvoritel/>.
5. Мильчина В.А. Честный лжец / В.А. Мильчина // Отечественные записки. — 2005. — № 5. — С. 345–348. — Рец. на кн.: Американские дневники и письма (1811–1813) / П.П. Свинын. Москва : Парад, 2005.
6. Свинын Павел Петрович // Русские писатели. 1800–1917 : биограф. словарь / гл. ред. П.А. Николаев. — Москва, 2007. — Т. 5. — С. 519–524.
7. Формозов А.А. Пушкин и древности. Наблюдения археолога / А.А. Формозов. — Москва : Наука, 1979. — 120 с.
8. Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. В.И. Саитова. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — Т. 1. — 735 с.
9. Яфарова И.Р. Живописное путешествие по Уралу: акварели Павла Свинына в собрании Радищевского музея / И.Р. Яфарова // Художественная культура уральских заводов конца XVIII — первой половины XIX века : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 9-12 окт. 2019 г. — Екатеринбург, 2019. — С. 162–171.
10. Сапожников И.В. «Описание Бессарабии» П.П. Свинына 1816 г.: поиск источников в связи с 200-летним юбилеем // Scriptorium nostrum. — 2015. — № 3. — С. 213–258.
11. Лазареску О.Г. Художественное и публицистическое в американском дневнике П.П. Свинына / О.Г. Лазареску // Libri Magistri. — 2018. — № 5. — С. 8–14.
12. Левшина О.Н. Образ Америки в травелогах Павла Петровича Свинына / О.Н. Левшина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 67. — С. 149–152.
13. Свинын П.П. Наблюдения Русскаго в Америке (Письмо к А.Ф. Лабзину) / П.П. Свинын // Вестник Европы. — 1812. — Ч. 64, № 14. — С. 104–123.
14. Свинын П.П. Поездка в Грузино / П.П. Свинын // Сын Отечества. — 1818. — Ч. 49, № 39. — С. 3–34.
15. Свинын П.П. Поездка в Грузино / П.П. Свинын // Сын Отечества. — 1818. — Ч. 49, № 40. — С. 49–74.
16. Свинын П.П. Картина Оренбурга и его окрестностей / П.П. Свинын // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1828. — Ч. 35, № 99. — С. 3–38.
17. Почетные вольные общники Императорской Академии художеств : краткий биогр. справ. / авт.-сост. Н.С. Беляев. — Санкт-Петербург : БАН, 2018. — 326 с.
18. Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / под ред. П.Н. Петрова. — Санкт-Петербург, 1864. — Т. 1. — 612 с.
19. Свинын П.П. Наблюдения Русскаго в Америке / П.П. Свинын // Сын отечества. — 1814. — Ч. 16, № 36. — С. 135–144; № 37. — С. 175–182.
20. Свинын П.П. Наблюдения Русскаго в Америке / П.П. Свинын // Сын отечества. — 1814. — Ч. 16, № 37. — С. 175–182.
21. Svinin P. Sketches of Moscow and St. Petersburg / P. Svinin. — Philadelphia : Thomas Dobson, 1813. — 51 p.
22. Svinin P. Sketches of Russia, illustrated with fifteen engravings / P. Svinin. — London : Printed for R. Ackermann, 1814. — 112 p.
23. Булгарин Ф. Поездка в Грузино в 1824 году (Из воспоминаний) / Ф. Булгарин // Новоселье. — 1846. — Ч. 3. — С. 211–220.

24. Саютина Н.В. Трансформация фразеологических единиц как проявление стилевой манеры журналиста / Н.В. Саютина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2011. — Т. 11, № 3. — С. 44–48.
25. Свиныйн П.П. Письмо первое в Москву. О русском химике Власове / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1818. — С. 59–94.
26. Страшнов С.Л. Система СМИ: просветительство и журналистика : учеб. пособие / С.Л. Страшнов. — Москва : Юрайт, 2020. — 173 с.
27. Суворова С.П. Реализация просветительской функции журналистики в современных общероссийских газетах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / С.П. Суворова. — Москва, 2006. — 26 с.
28. Свиныйн П.П. Взгляд на республику Соединенных областей Американских / П.П. Свиныйн // Сын отечества. — 1814. — Ч. 17, № 45. — С. 253–270.
29. Свиныйн П.П. Опыт живописного путешествия по Северной Америке / П.П. Свиныйн. — Санкт-Петербург, 1815. — 219 с.
30. Свиныйн П.П. Ежедневные записки в Лондоне / П.П. Свиныйн. — Санкт-Петербург, 1815. — 249 с.
31. Свиныйн П.П. Предисловие / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1818. — С. I–IV.
32. Марьянчик В.А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста / В.А. Марьянчик // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2010. — Т. 9, № 6. — С. 138–144.
33. Набилкина Л.Н. Травелог — лингвокультурологическая основа образа города и государства / Л.Н. Набилкина, Н.А. Кубанев // Приволжский научный вестник. — 2013. — № 8-2 (24). — С. 124–129.
34. Свиныйн П.П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 году / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1825. — Ч. 23, № 63. — С. 2–24.
35. Свиныйн П.П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 году / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1825. — Ч. 23, № 64. — С. 145–153.
36. Свиныйн П.П. Крещатик в Киеве / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1820. — Ч. 2, № 3. — С. 1–12.
37. Свиныйн П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей : сочинение Павла Свиныйна / П.П. Свиныйн. — Санкт-Петербург, 1816. — Ч. 1. — 113 с.
38. Природное наследие Оренбургской области: особо охраняемые природные территории / А.А. Чибилёв, В.М. Павлейчик, А.А. Чибилёв (мл.), В.П. Петрищев. — Оренбург : УрО РАН, 2009. — 328 с.
39. Муканов С.М. Казахская юрта : книга-альбом / С.М. Муканов. — Алма-Ата : Кайнар, 1981. — 223 с.
40. Свиныйн П.П. Воспоминания в степях бессарабских / П.П. Свиныйн // Отечественные записки. — Санкт-Петербург, 1821. — Ч. 5, № 9. — С. 3–24.
41. Моисеев Б.А. Местные названия Оренбургской области. Историко-топонимические очерки / Б.А. Моисеев. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2013. — 380 с.
42. Овчинников Р.В. Над «пугачёвскими» страницами Пушкина / Р.В. Овчинников. — Москва : Наука, 1981. — 159 с.

REFERENCES

1. Kulakova I.P. Domestic dreamer. *Otechestvennye zapiski* = *Notes of the Fatherland*, 2002, no. 3, pp. 361–373. (In Russian).
2. Delakroa I. Publisher's Preface. In Svinin P.P. *Kartiny Rossii i byt raznoplemennnykh ee narodov : iz puteshestvii P.P. Svin'ina* [Pictures of Russia and Life of her Different Races People]. Saint-Petersburg, 1839, pt. 1, pp. I–X. (In Russian).
3. Gotovtseva A.G., Kiyanskaya O.I. From the History of Russian Journalism of the 1820s: Kondraty Rileev, Faddey Bulgarin and Petr Svin'in. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* = *RSUH Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2011, no. 6 (68), pp. 11–36. (In Russian).

4. Mitrofanov A. Pavel Svinin: a persecuted benefactor. *Miloserdie.ru*, 2019. Available at: <https://www.miloserdie.ru/article/pavel-svinin-zatravlennyj-blagotvoritel/>. (In Russian).
5. Milchina V.A. Honest Liar. *Otechestvennye zapiski* = *Notes of the Fatherland*, 2005, no. 5, pp. 345–348. (In Russian).
6. Svinyin Pavel Petrovich. In Nikolaev P.A. (ed.). *Russkie pisateli. 1800–1917* [Russian Writers. 1800–1917]. Moscow, 2007, vol. 5, pp. 519–524. (In Russian).
7. Formozov A.A. *Pushkin i drevnosti. Nablyudeniya arkheologa* [Pushkin and Antiquities. An Archaeologist's Observations]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 120 p.
8. Saitov V.I. (ed.). *Ostafevskii arkhiv knyazei Vyazemskikh* [Ostafev Archive of the Vyazemsky Princes]. Saint-Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1899. Vol. 1. 735 p.
9. Yafarova I.R. A picturesque journey across the Urals: watercolors by Pavel Svinin in the collection of the Radishchev Museum. *Khudozhestvennaya kul'tura ural'skikh zavodov kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX veka. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 9-12 oktyabrya 2019 g.* [Artists of the Ural factories. The art of the late 18th — the first half of the 19th Century. Materials of All-Russian Research Conference, Ekaterinburg, October 9-12, 2019]. Ekaterinburg, 2019, pp. 162–171. (In Russian).
10. Sapozhnikov I.V. «Description of Bessarabia» P.P. Svinin 1816: a search for primary sources in connection with the 200th anniversary. *Scriptorium nostrum*, 2015, no. 3, pp. 213–258. (In Russian).
11. Lazaresku O.G. The Artistic and the Publicistic in the American Diary of P. P. Svin'in. *Libri Magistri*, 2018, no. 5, pp. 8–14. (In Russian).
12. Levshina O.N. The Image of America in the Travel Diaries of Pavel Petrovich Svin'in. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 67, pp. 149–152. (In Russian).
13. Svinin P.P. Observations of Russkago in America (Letter to A.N. Labzin). *Vestnik Evropy = Herald of Europe*, 1812, pt. 64, no. 14, pp. 104–123. (In Russian).
14. Svinin P.P. Trip to Gruzino. *Syn Otechestva = Son of the Fatherland*, 1818, pt. 49, no. 39, pp. 3–34. (In Russian).
15. Svinin P.P. Trip to Gruzino. *Syn Otechestva = Son of the Fatherland*, 1818, pt. 49, no. 40, pp. 49–74. (In Russian).
16. Svinin P.P. Painting of Orenburg and its environs. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1828, pt. 35, no. 99, pp. 3–38. (In Russian).
17. Belyaev N.S. *Pochetnye vol'nye obshchniki Imperatorskoi Akademii khudozhestv* [Honorary Free Associates of the Imperial Academy of Arts]. Saint-Petersburg, Library of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. 326 p.
18. Petrov P.N. (ed.). *Sbornik materialov dlya istorii Imperatorskoi S.-Peterburgskoi Akademii khudozhestv za sto let ee sushchestvovaniya* [Collection of Materials for the History of the Imperial St. Petersburg Academy of Arts for a Hundred Years of Its Existence]. Saint-Petersburg, 1864. Vol. 1. 612 p.
19. Svinin P.P. Observations of Russkago in America. *Syn Otechestva = Son of the Fatherland*, 1814, pt. 16, no. 36, pp. 135–144. (In Russian).
20. Svinin P.P. Observations of Russkago in America. *Syn Otechestva = Son of the Fatherland*, 1814, pt. 16, no. 37, pp. 175–182. (In Russian).
21. Svinin P. *Sketches of Moscow and St. Petersburg*. Philadelphia, Thomas Dobson, 1813. 51 p.
22. Svinine P. *Sketches of Russia, illustrated with fifteen engravings*. London, Printed for R. Ackermann, 1814. 112 p.
23. Bulgarin F. Trip to Gruzino in 1824 (From memoirs). *Novosel'e = Novosselye*, 1846, pt. 3, pp. 211–220. (In Russian).
24. Sayutina N.V. Transformation of Phraseological Units as a Manifestation of a Journalist's Idiostyle. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2011, vol. 11, no. 3, pp. 44–48. (In Russian).
25. Svinin P.P. Frist letter to Moscow. About Russian chemist Vlasov. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1818, pp. 59–94. (In Russian).

26. Strashnov S.L. *Sistema SMI: prosvetitel'stvo i zhurnalistika* [Media system: education and journalism]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 173 p.
27. Suvorova S.P. *Realizatsiya prosvetitel'skoi funktsii zhurnalistiki v sovremennykh obshcherossiiskikh gazetakh. Avtoref. Kand. Diss.* [Implementation of the educational function of journalism in modern all-Russian newspapers. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 26 p.
28. Svinin P.P. A Look at the Republic of the United States of America. *Syn Otechestva = Son of the Fatherland*, 1814, pt. 17, no. 45, pp. 253–270. (In Russian).
29. Svinin P.P. *Opyt zhivopisnogo puteshestviya po Severnoi Amerike* [Experience a scenic journey through North America]. Saint-Petersburg, 1815. 219 p.
30. Svinin P.P. *Ezhednevnye zapiski v Londone* [Daily Notes in London]. Saint-Petersburg, 1815. 249 p.
31. Svinin P.P. Preface. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1818, pp. I–IV. (In Russian).
32. Marjanchik V.A. Speech Mask in the Structure of Author's Image in Journalism. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya = Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, no. 6, pp. 138–144. (In Russian).
33. Kubanev N.A. Travelogue is a Linguecultural Foundation of the Image of the City and the State. *Privolzhskii nauchnyi vestnik = Privolzhsky Scientific Bulletin*, 2013, no. 8-2 (24), pp. 124–129. (In Russian).
34. Svinin P.P. *Poseshchenie Iletskoi Zashchity v 1824 godu* [Visit to the Iletsk Defense in 1824]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1825, pt. 23, no. 63, pp. 2–24. (In Russian).
35. Svinin P.P. *Poseshchenie Iletskoi Zashchity v 1824 godu* [Visit to the Iletsk Defense in 1824]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1825, pt. 23, no. 64, pp. 145–153. (In Russian).
36. Svinin P.P. Khreshchatyk in Kiev. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1820, pt. 2, no. 3, pp. 1–12. (In Russian).
37. Svinin P.P. *Dostopamyatnosti Sanktpeburga i ego okrestnostei* [Sights of St. Petersburg and its Environs]. Saint-Petersburg, 1816. Pt. 1. 113 p.
38. Chibilev A.A., Pavleichik V.M., Chibilev A.A. (Jr.), Petrishchev V.P. *Prirodnoe nasledie Orenburgskoi oblasti: osobo okhranyaemye prirodnye territorii* [Natural heritage of the Orenburg region: specially protected natural areas]. Orenburg, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Publ., 2009. 328 p.
39. Mukanov S.M. *Kazakhskaya yurta* [Kazakh Yurt]. Alma-Ata, Kainar Publ., 1981. 223 p.
40. Svinin P.P. Memories in the Bessarabian steppes. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. Saint-Petersburg, 1821, pt. 5, no. 9, pp. 3–24. (In Russian).
41. Moiseev B.A. *Mestnye nazvaniya Orenburgskoi oblasti. Istoriko-toponimicheskie ocherki* [Local Names of the Orenburg Region. Historical and Toponymic Essays]. Orenburg State Pedagogical University Publ., 2013. 380 p.
42. Ovchinnikov R.V. *Nad «pugachevskimi» stranitsami Pushkina* [Over "Pugachevsky" Pages of Pushkin]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 159 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Савельзон И.В. Филадельфия, Грузино, Оренбург: к вопросу о периодизации журнальной деятельности П. Свинына / И.В.Савельзон. — DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(2).320-337 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 2. — С. 320–337.

FOR CITATION

Savelzon I.W. Philadelphia, Gruzino, Orenburg: on the Issue of Periodization of the Journal Activity of P. Svinin. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 320–337. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(2).320-337. (In Russian).